

Слышится шум, и Чжоу Хуайци хмурится.

Вокруг бушует раскаленная лава. Чжоу Хуайци пытается подняться, но чувствует, что тело сковано. Перед глазами — непроглядная тьма. Он пытается пошевелить руками и ощущает тяжесть на запястьях.

Что-то его удерживает.

Тревога.

Чжоу Хуайци отчаянно пытается вырваться, но руки не слушаются, словно из них выкачали все силы. Он чувствует, как медленно, мучительно медленно погружается в обжигающую лаву.

С края кратера с грохотом сыплются камни, клубится черный дым, жар лавы не дает вдохнуть, а рассудок разрывается на части.

Смерть инструктора Чу, воспоминания о нападении монстра, чужая духовная сила, которую он был вынужден поглотить — всё смешалось в один ком. Ментальные нити запутались, и Чжоу Хуайци кажется, что он захлебывается.

— Хуайци... Чжоу Хуайци... — голос доносится словно издалека, приглушенный, словно сквозь плотную ткань, неясный и далекий.

Вдруг Чжоу Хуайци чувствует, как кто-то прорывается сквозь его ментальный барьер. Он хочет воспротивиться, но понимает, что утратил всякий контроль над своей духовной сферой.

Все кажется чужим, словно это вовсе не его ментальный ландшафт.

Голос просачивается сквозь трещины, неся с собой ледяную прохладу. Помутившееся сознание Чжоу Хуайци на миг проясняется. Он пытается поднять руку, но лава внезапно вздымается и поглощает его целиком.

Удушье, острая боль, а затем...

Чжоу Хуайци резко открывает глаза и обнаруживает, что парит в пустоте. Он тянется вперед, пытаясь нащупать опору, но слышит лишь лязг металла на своих запястьях.

Оковы все еще на месте, но лава исчезла. Чжоу Хуайци пытается разглядеть, что вокруг: в воздухе плавают спутанные ментальные нити и осколки, похожие на битое стекло.

— Что это? — спрашивает Чжоу Хуайци, и его голос звучит пугающе хрипло.

— Наконец-то я тебя нашел. — Вдруг раздается голос.

Такой знакомый. Чжоу Хуайци озирается, пытаясь понять, откуда он исходит. Тьму разрезает серебристое сияние, и из нее, ступая грациозно и мягко, выходит снежная лиса, окутанная нежным белым светом.

Горло Чжоу Хуайци пересохло, каждое слово дается с трудом:

— Янь... Цинъюй?

Белая лиса не отвечает, лишь легко прыгает к нему, и те самые взбесившиеся ментальные нити внезапно затихают.

— Твой ментальный ландшафт рушится, — произносит лиса. Голос действительно принадлежит Янь Цинъюю, но звучит более отстраненно и эфирно, чем обычно.

Чжоу Хуайци криво усмехается:

— Так ты пришел, чтобы забрать мой труп?

Он и сам не ожидал, что последствия поглощения духовной силы того монстра окажутся столь катастрофическими.

Лиса вдруг хлопает его лапой по лицу:

— Я пришел спасти тебя, идиот.

Она щурится и добавляет:

— Хотя, признаться, я подумывал позволить тебе сгинуть самому.

В тот же миг окружающая тьма искривляется. Чжоу Хуайци чувствует, как все вокруг идет кругом, а когда открывает глаза, оказывается на коленях на потрескавшейся, обугленной земле. Вдали виден вулкан, извергающий жуткую красно-черную лаву.

Чжоу Хуайци поднимается, оглядывая свой разрушающийся ментальный ландшафт. Белоснежная лиса подходит к нему:

— Ты поглотил слишком много духовной силы, ты не способен её выдержать.

— Я знаю. Что мне делать? — Чжоу Хуайци сжимает кулаки.

— Восстановить ментальный ландшафт, — лиса внезапно разворачивается и смотрит прямо ему в глаза. — Ты должен встретиться с этим лицом к лицу.

— С чем? С тем монстром?

Лиса качает головой, хватая зубами край одежды Чжоу Хуайци и делает резкий прыжок. Чжоу Хуайци падает, мгновенно проваливаясь в воспоминания.

Полдень на тренировочной площадке, палящее солнце. Четырнадцати-пятнадцатилетний Чжоу Хуайци лежит на земле после броска через бедро, выполненного инструктором Чу. Спину жжет от боли.

— Еще раз! — инструктор Чу стоит против солнца. — На поле боя у Стража не будет второго шанса.

Чжоу Хуайци открывает рот, чтобы что-то ответить, но в следующую секунду память искажается. Сцена сменяется больничной палатой. Он стоит у двери, а внутри — инструктор Чу. Правая рука его забинтована, но он все равно пытается поднять стакан с водой. Под звон разбитого стекла Чжоу Хуайци слышит свой собственный голос:

— Есть ли в этом смысл?

Картинка замирает на моменте, когда инструктор Чу оборачивается. Снежная лиса появляется рядом с застывшим мужчиной и тихо говорит:

— Встреться с тем, от чего бежишь. Встреться со своим внутренним страхом. Встреться с причиной, по которой ты не можешь очнуться.

Чжоу Хуайци чувствует тяжесть в груди:

— Как долго я спал?

— Пять дней.

Чжоу Хуайци молчит.

— О чем ты думаешь?

— Он мог бы выжить... если бы не пытался спасти их...

Снежная лиса перебывает его:

— Ты действительно боишься смерти инструктора Чу?

Зрачки Чжоу Хуайци сужаются. Картинка оживает, и в мгновение ока они оказываются на кладбище. Инструктор Чу стоит перед надгробием, храня молчание.

Голос лисы становится мягче:

— Ты боишься, что однажды, подобно ему, будешь вынужден жить в одиночестве, неся в себе память обо всех погибших, всю жизнь искупая вину и навсегда утратив свободу.

Дыхание Чжоу Хуайци перехватывает.

Инструктор Чу всю жизнь каялся за то, что не смог спасти своих людей. Он тысячи раз прокручивал в голове картину того, как мог бы их спасти, и только поэтому его реакция на поле боя была такой молниеносной.

— Если бы тогда... — инструктор Чу оборачивается к Чжоу Хуайци.

Картинка искажается, окружающий мир меняется хаотично. Цепи издают пронзительный скрежет. Чжоу Хуайци опускает взгляд и видит, что его грудь залита кровью.

Неужели я боюсь этого?

— Признай свой страх, — лиса приближается.

Лава начинает кипеть, трещины в небе расширяются. Чжоу Хуайци стискивает зубы. Признать — значит принять собственную слабость.

— Я... боюсь. — Эти три слова кажутся невероятно тяжелыми. В тот же миг, когда они слетают с его уст, кроваво-красное пятно на груди исчезает.

В глазах лисы мелькает облегчение. Она прыгает и прижимает передние лапы к его лбу:

— Теперь восстанавливай свой мир.

Чжоу Хуайци чувствует, как его подхватывает мощный поток духовной силы. Его восприятие становится необычайно острым. Вулкан вдалеке все еще извергается, но теперь он чувствует движение каждой струйки лавы, положение каждого камня. Это его сфера, и здесь должны действовать его правила.

Земля содрогается. Извергающаяся лава внезапно устремляется обратно в кратер, трещины в небе затягиваются на глазах. Расколота земля срастается. Хаотичные ментальные нити, словно под воздействием невидимых рук, распутываются и приходят в порядок.

Восстановление ментальной сферы — процесс долгий. Когда последний осколок встает на место, Чжоу Хуайци, обессиленный, падает на колени.

Снежная лиса подходит ближе и грациозно облизывает лапу:

— Хорошая работа.

Шерстка у лисы пушистая, белоснежная, на вид очень теплая и мягкая. Чжоу Хуайци тянется, чтобы погладить её, но замечает, что оковы все еще на руках, и рука замирает на полпути.

— Твоя духовная сущность еще не восстановилась, с остальным придется справляться самому.

Сказав это, лиса направляется прочь.

— Постой! — Чжоу Хуайци пытается встать, чтобы остановить её, но ножные кандалы приковывают его к месту, и он с силой падает на колени.

Чжоу Хуайци кричит:

— У меня есть вопрос!

Лиса останавливается, но не оборачивается:

— Задашь свои вопросы, когда очнешься.

С этими словами она исчезает.

В больничной палате Чжоу Хуайци резко открывает глаза. Дыхание сбивчивое, в нос бьет запах антисептиков. Писк приборов раздражает.

Перед глазами — ослепительно белый потолок. Рядом ни души.

— Ссс... — Чжоу Хуайци пытается сесть, держась за раскалывающуюся голову.

Где я?

У двери слышатся шаги. Входит стройный мужчина в черной рубашке с закатанными до локтей рукавами — форма Проводника. У него слегка длинноватые волосы, из-под рукавов видны фарфорово-белые запястья. В руках он держит книгу.

Мужчина явно замирает на секунду, кладет книгу на тумбочку и говорит:

— Очнулся? Я позову врача.

— ... — Чжоу Хуайци кажется, что голос этот до боли знаком, но имя застряло в горле, и он никак не может его произнести.

Он опускает взгляд на свои руки: видны следы ожогов, но они почти зажили.

Ожоги? Почему я ранен? Почему я в больнице?

В голове у Чжоу Хуайци — каша. Вопросы теснятся, и чем сильнее он пытается сосредоточиться, тем невыносимее становится боль.

Тысячи мыслей сводятся к одной.

Кто я?

Входит врач и, не говоря ни слова, проводит полный осмотр. Листая историю болезни, он выносит вердикт:

— Ничего серьезного. Раны почти затянулись, можно выписываться.

— Доктор, я, кажется... — Чжоу Хуайци прижимает руку к пульсирующему виску, голос его хрипит. — Я ничего не помню.

В палате воцаряется тишина. Мужчина в черном делает шаг вперед. В его голосе звучит что-то непонятное для Чжоу Хуайци:

— Ты помнишь, кто я?

Знакомое лицо, но вспомнить не удастся. Чжоу Хуайци качает головой, и это движение отзывается в голове такой болью, словно в мозг вонзили сверло.

Врач хмурится:

— Физические функции восстановились неплохо, но ментальный ландшафт все еще нестабилен. — Он поворачивается к незнакомцу: — Проводник Янь, что касается этого аспекта, я...

— Я знаю, — перебивает его тот. — Это побочные эффекты восстановления ментального ландшафта, должно пройти время. Ничего страшного, я справлюсь.

— Раз вы понимаете, Проводник Янь, больше вопросов нет. Благодарю за работу.

— Не за что.

Когда врач уходит, в огромной палате остаются только двое.

Этот человек явно знает меня, думает Чжоу Хуайци. Врач назвал его Проводником Янем. Значит, его фамилия Янь...

— Мы знакомы? — спрашивает Чжоу Хуайци.

— Нет, — Янь Цинъюй не смотрит на него, достает стул и садится рядом.

— И что ты собираешься делать?

— Читать. — Янь Цинъюй слегка встряхивает книгу.

Он действительно начинает читать. Чжоу Хуайци долго смотрит на его профиль, но тот даже не поднимает глаз. В палате слышно лишь шелест страниц и писк приборов.

— Врешь, — внезапно говорит Чжоу Хуайци.

Пальцы Янь Цинъюя замирают на странице.

— Если мы не знакомы, почему ты здесь дежуришь? — Чжоу Хуайци указывает на пустые ампулы от питательных растворов в мусорном ведре у тумбочки.

Янь Цинъюй наконец закрывает книгу и смотрит прямо на него:

— Что ты помнишь?

— Фрагменты. — Чжоу Хуайци чувствует необъяснимое доверие к этому человеку и, следуя его словам, прижимает пальцы к вискам. — Вулкан... цепи... и говорящая лиса.

В глазах Янь Цинъюя мелькает едва уловимое волнение. Он встает и достает из ящика маленькую коробочку с таблетками:

— Сначала прими лекарство.

— Нет, сначала скажи, кто мы друг другу, почему я ранен и что произошло? — Чжоу Хуайци пытается встать с кровати, от боли его лицо бледнеет, но он словно не замечает этого.

— Либо пьешь лекарство, либо продолжаешь страдать от головной боли. — Янь Цинъюй без лишних слов вкладывает таблетки ему в руку и, надавив на плечо, приказывает: — Выпей и ложись.

— ... — Чжоу Хуайци смотрит на белые таблетки и, не раздумывая, глотает их. Кадык двигается, задевая шрам на шее. Только сейчас он замечает, что все его тело покрыто мелкими шрамами — некоторые уже зажили, на других еще видны бинты.

— А если я отравил тебя? — внезапно спрашивает Янь Цинъюй.

Чжоу Хуайци ложится и улыбается:

— Если бы ты хотел меня отравить, зачем ждать, пока я очнусь? — Он делает паузу. — Мы ведь были близки, верно?

Янь Цинъюй как раз поправляет высоту кровати, и при этих словах он замирает. Медленно выпрямившись, он спрашивает:

— С чего ты взял?

Его рука случайно касается кончика носа Чжоу Хуайци, и тот чувствует едва уловимый аромат чая... такой приятный, что хочется вдохнуть его снова и снова.

Почти на уровне инстинкта Чжоу Хуайци понимает, что у него с этим Проводником особые отношения. А вот какие именно...

— Интуиция. — Чжоу Хуайци указывает на свое сердце. — Оно говорит мне, что ты очень важен.

Ресницы Янь Цинъюя слегка дрожат:

— Не говори ерунды, мы не близки.

— Я потерял память, но не базовые когнитивные навыки, Проводник Янь. — Чжоу Хуайци хватает Янь Цинъюя за руку, заставляя его смотреть на себя: — Наша совместимость должна быть очень высокой, я это чувствую.

— Отпусти. — Янь Цинъюй хочет стряхнуть руку Чжоу Хуайци, но, заметив бинты на его теле, останавливается.

— Как я получил ранения?

— В бою. — Янь Цинъюй резко выдергивает руку и снова садится на стул. Глаза его мрачают.
— Если коротко: ты отправился на выездную тренировку с младшекурсниками, столкнулся с неизвестным мутировавшим видом, прошел через тяжелый бой, поглотил ментальную силу монстра, а учитывая, что твоя духовная сфера и так была перегружена... ты не выдержал.

Янь Цинъюй не договаривает, но Чжоу Хуайци уже понимает суть.

— Этот монстр был слишком силен? Или я слишком слаб? — Чжоу Хуайци осматривает себя. Большинство ран — лишь поверхностные царапины, за исключением ожогов на руках.

— Ты... — Янь Цинъюй хочет что-то сказать, но замолкает.

Чжоу Хуайци ждет.

— Ты помнишь инструктора Чу? — наконец спрашивает Янь Цинъюй.

Чжоу Хуайци качает головой:

— Я не помню никого, включая себя самого.

Увидев, что он качает головой, Янь Цинъюй, кажется, испытывает облегчение:

— Тебя зовут Чжоу Хуайци. — Он делает паузу. — Твоя ментальная сфера еще не восстановилась, нельзя подвергать тебя стрессу. Об остальном... поговорим, когда вспомнишь.

<http://bllate.org/book/22456/2361409>